

СЛАВУТСКОЕ «МЕТРО»

У этой статьи есть свой «предистория». Она продолжает, дополняет новыми фактами для материала, напечатанного ранее в «Советской музыке». Первый был опубликован еще 9 мая 1963 года и назывался «Шел по дороге счастья» — рассказ о заключенных концлагеря «Грос-Лазэрст» в городе Славута, о людях, сохранивших музейные и стоянки борьбы. Многие из них погибли не на памятных датах, а погибли в живых, навсегда сохранивших их имена и их подпись. Другой материал был напечатан газете 28 ноября 1964 года — воспоминания участников освобождения Славуты, партизаны Борисовы. Новые подробности об узниках «Грос-Лазэрст» новые имена, еще одна страница германской борьбы.

И вот — письмо Тимофея Тимофеевича Ярлыкова, бывшего коменданта танка Т-34, бывшего узника «Грос-Лазэрст», бывшего смертного казначея и сотрудника Брянского технологического института. Его письмо напоминает о своей простоте.

Но самое главное в этом письме — это письмо Тимофея Ярлыкова, письмо о том, что он и его сыновья, погибшие в боях, погибли за свободу.

В блок № 1 — блоке смерти — Т. Ярлыков слушал тот самый концерт, о котором рассказывали в газете с участниками Александра Соловьева — патриота, творившего чудеса песней, испытавшего и сердце и дух в борьбе. Помнил он и музыкальную лагерную пропаганду.

Помнил многое и многое, потому что об этом невозможно и нельзя забывать...

О СЕНЬЮ сорока первого года в Славуте немцы устроили «Грос-Лазэрст № 301». Точнее — это был комбинат по уничтожению советских военнопленных. В лагере одновременно размещалось более пятнадцати тысяч больных и раненых. Об «улодах» за больными и ранеными можно судить по смертности которых достигла до двухсот человек в день. За три года существования «западарта» здесь было замучено сто пятьдесят тысяч человек.

Может быть, труждно поверить в это, но и в нашем лагере шла борьба. Дух советских людей не был сломлен. Активно действовала подпольная организация. Через руководителя подпольного центра врача городской больницы Ф. Михайлова, которому посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза, были установлены связи с партизанскими отрядами, действовавшими в лесах. Подполье. Разными путями часть узников из «западарта» удалось переправлять в партизанские отряды. Но руководитель лагерной подпольной организации Айтек Чамоков и его помощник пострадали. Р. Полушкин думал о том, как организовать массовый побег из «западарта».

Миссия о подполье — о «метро», как окрестили его узники — предложила полковнику Степану Игнату Ивановичу. Он вместе с Конюховым, Чистяковым, Луканиным, Федоровым, Понтиаком, Степановым, Изоговым, Золотаревским, Манеевым, Сергиенко, Малюко и другими товарищами под руководством старшего врача блока № 2 Лопухина и главного врача Айтека Чамокова начали готовить побег.

Думать приходилось обо всем. И о кавалетахах людях, и об обеспечении безопасности, сигнализации. Нукины были расчеты, техническая документация, инструкции. А все это было сложной проблемой.

Прежде чем приступить к строительству, в целях безопасности были созданы наблюдательные пункты. Одним из них послужила первичная труба котельной, внутри которой на высоте пятнадцати метров вынули карнизы и сделали склон на железнодорожный скрепы, для наблюдателей.

Подкоп рвал шириной в 50 сантиметров, высотой 70 сантиметров и длиной в 110 метров.

У «метростроевцев» были 4 машины сажевые лопаты, 2 лона, 1 пил, 2 сажевых топора и наготовлены 10 лопаток из якоря. Тарой для земли служили обычные мешки, брезент, скрепки и пластики из фанеры в форме лодочек. Эти лодочки обшивали кожей из обуви, ремни, косынки, вспомогательные шурпы, вымощенные в брезентом для того, чтобы не было шума при перетаскивании из лагеря.

Т. ЯРЛЫКОВ,
сотрудник Брянского Технологического института.
БРЯНСК.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КРИТИКА

(Окончание. Начало на 3-й стр.).

на вопрос, что за художниками имются в виду под этим «апостолами», потому что ни к одному из известных миру графикам нельзя отнести этот странный комплекс формуломорф. Во-вторых, мы узнаем, что сюжет в графике не очень опасен, но живопись он лишил какой бы то ни было самоценности. А одобренные самими Чайковскими картинами, как не грех, сочтены. Есть сюжет и в «Земле Моневин», и в его «Товарищах», и в картинах Жилинского, Ткачевых. Наконец (это уже смысение не в смысении), нам сообщают, что в XIX веке, словно рассказы изнутри начинавшую умирать живопись капиталистической формации, история разделения художников на две лагеря: один увлекался только формальной стороной, другие занялись только социальными задачами. Это здорово: живопись новой эпохи не нуждается в большевистских драматиках. Вот почему так энергична национальная живопись.

Осталось только задать вопрос: что же нам теперь делать с живописцами, которые все еще требуются и пишут смутные картины? Как быть далее с Валентином Серовым, Александром Ивановым, Федотовым, Врубелем, Репиным — этими болезненными двойниками? Не учили все графики, кроме последователей Пименова и Горьева, идти по пути «слепого» фотографизма? Если это авторы не волнуют, важен был прием контраста, сенсационность, ради чего художники буквально раскисаются — один налево, другой направо — и пишутся в тишине перманентной статьи, от которой дух захватывает.

Комментировать эту статью ксерокс не имеет смысла. Тут какая-то фраза и так говорит сама за себя.

Далеко заведя Байшусева придуринская схема. Но ведь и в стихах более серьезных, вторых которых не упрекнем в таком легкомыслии, пренебрежение точным исследованием материала приводят к пороюничной путанице и противоречиям. На такой путь, может быть, навигировано для самой себя, встала С. Чорновинка в статье о новой выставке московских художников в «Московской газете».

В картине Д. Жилинского «Молодые скульпторы» многое краински: «Новобранцы» почему этого художника реалистичны, — пишет она, — портретные характеристики почти фотографичны, глядко низведены. И хотя строгий, придирчивый взгляд наблюдателя заметен в его живописи, в ее подчеркнутой жесткости, цветовой локальности, в легком смешении перспективы рамки и миссии старых живописных орн-

мента, этого и этого

действует спонтанно-живописной силы, всплеск в кисте, переход в дорогу и слова да! сигнал: «вот свободы!». Полужесткий ответ — «вот приянта, я попался до леса, как разрыдалась виноград». Но не ушел он поплатиться за леса, как разрыдалась виноград. Потом стало известно, что один из бежавших из леса разрушил виноград. Вместо того, что бы добраться до города, пошли виноградом. Известно, что из-за этого сюжета не произошла тем более, что в конце винограда никем из нас не удивлен, не сотрясены земли. Часовой на штурм выстрелил Засветильщик проектора.

Всем строителям «метро»

удалось бежать из концлагеря. На

последних солдатах и офицерах

Советской Армии они спаслись

Славутичами.

Не будь в том, что как только поставили первую воздушную трубу, на поверхности земли стала виноградная пустота, куда вставили металлические трубы.

В шахте одновременно находились от трех до пяти человек. В забое работали забойщики его помощники. Они подользовались картой и компасом. Забойщик рвал землю, между ног мог перелезть ее по помощнику, стояла крепление. Помощнику насыпал грязь в тару и длиной сигнал к отправке. Работали при коптильках.

Не скрою, были у нас и срывы. Два раза случались обводы. Первый раз произошел на себе на середине пути. Через двор был автомойка, а дальше — виноградная пустота.

В забое работали забойщики

и виноградники отрядов. Их команда организовала партизанский отряд и виноградники.

Виноградники

и виноградники